

О-754715

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

БЕЛИЧЕНКО Елизавета Евгеньевна

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Санкт-Петербург

2006

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Галина Николаевна Акимова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Сергей Павлович Степанов
кандидат филологических наук, доцент
Евгений Евгеньевич Силантьев

Работная организация:

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000171188

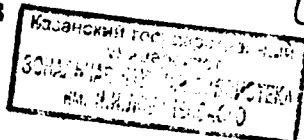
Нижегородский государственный
лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова

Защита диссертации состоится «16» декабря 2006 года в 17³⁰
часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.11, филологический факультет, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета
(199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «11» ноября 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета Д 212.232.18

к.ф.н., доцент
С.А. Аверина

Реферируемое диссертационное сочинение посвящено комплексному изучению несобственно-прямой речи (НПР) с учётом её типологических особенностей в анималистической прозе (АП).

Проблематика работы затрагивает как лингвистические, так и литературоведческие вопросы. Литературоведческие вопросы связаны с выяснением особенностей поэтики произведений АП. Лингвистическая сторона исследования связана с такими областями лингвистики, как лингвистика текста, стилистика художественной речи, структурный и коммуникативный синтаксис. Подобный комплексный подход к изучению художественного повествования представляется целесообразным.

НПР – это один из способов передачи чужой речи, характеризующийся речевым взаимодействием (речевой контаминацией) автора и персонажа (А.А. Андриевская, М.М. Бахтин, К.А. Долинин, Г.Г. Инфантова, Л.А. Соколова и др.). В силу своих особенностей проблема чужого высказывания на протяжении развития лингвистической мысли всегда стояла в центре интересов учёных. Но, если изучение прямой и косвенной речи, в общем-то, не отразилось на развитии лингвистических идей, то изучение НПР сыграло и играет важную роль в продвижении идей в лингвистике и смежных с ней областях гуманитарного знания. НПР является основополагающим компонентом таких значимых концепций XX века, как теории «автора» М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, проблема «точки зрения» в трудах Б.А. Успенского и частично Ю.М. Лотмана. В процессе истории изучения НПР получила богатое концептуальное наполнение. Учеными изучались вопросы, связанные с онтологическим статусом НПР, ее категориальным признаком, критериями выделения, типологией, ее функцией, проблемой термина. По-настоящему успешным в плане заметного продвижения по пути исследования НПР был поворот лингвистики к исследованию художественного текста, к нарративу. Изучение нарратива потребовало осмысления коммуникативного анализа текста

(Г.А. Золотова) и разработки проблематики повествующего субъекта (Н.К. Онипенко, Е.В. Падучева), что приближает нас к пониманию сущности такого многогранного явления, как НПР. Проблема повествующего субъекта в АП позволила под новым углом посмотреть как на само понятие НПР, так и на ее функционирование в художественном произведении.

Актуальность реферируемого исследования объясняется, во-первых, решением её проблематики в свете современных научных концепций. Исследование связано с такими областями лингвистики, как лингвистика текста, функционально-коммуникативный синтаксис, грамматическая семантика, лингвистика нарратива. Коммуникативно-прагматический подход (на основе современной коммуникативно-грамматической теории) представляется наиболее перспективным в изучении феномена чужой речи. Во-вторых, отсутствием исследований приема НПР на материале текстов, относимых к АП.

Приведенные соображения позволили сформулировать **цель** данной работы: описание структуры и семантики различных типов НПР и выявление её роли в воплощении смысла текста.

Поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- обозначить критерии определения границ НПР и выявить текстовые фрагменты с НПР в произведениях АП.
- описать лингвистическую структуру НПР на различных языковых уровнях;
- описать композиционно-речевые формы НПР и проанализировать их природу в АП;
- построить структурно-семантическую типологию НПР;
- выявить функционально-семантическое своеобразие НПР в АП;
- рассмотреть НПР в диалогической парадигме и выявить её значение в АП.

Таким образом, **объектом** исследования в диссертации являются текстовые фрагменты с НПР, текст в целом, а **предметом** – особенности структуры и функционирования НПР в АП, рассматриваемые там как способ реализации замысла автора.

Основные методы исследования – описательно-аналитический, метод наблюдения и метод контекстуального анализа. При обращении к тексту реализованы: лингвоцентрический подход, т.е. анализ функционирования в тексте языковых единиц; текстоцентрический подход как наблюдение над структурой целого текста; когнитивный подход, т.е. учет внетекстового контекста как источника подтекстовых, скрытых значений.

Материалом для исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из шести произведений АП русских писателей (А.П. Чехов, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, Г. Владимов, С. Чилингарян, В. Нель) с к. XIX века до к. XX века (около 500 текстовых фрагментов). Выбор материала был продиктован наличием повествования от лица героев-собак, выражающимся в приеме НПР, что представляет собой интересный феномен в художественной литературе, а также дистантностью самих произведений. Можно сказать, что авторы, рассматриваемых в работе произведений, венчают собой разные вехи в развитии языка художественной литературы. Таким образом, выбор АП в качестве материала исследования позволил рассмотреть НПР на примере творчества нескольких писателей, соответственно, проследить положение дел, касающееся данного объекта в разных произведениях художественной литературы, а также затронуть функционирование НПР на разных этапах развития литературной традиции, что дало возможность проследить становление приема НПР с сер. 80-х гг. XIX века до к. XX века.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предлагается лингвистическое исследование категории НПР на примере АП; разрабатывается структурно-семантическая типология НПР; исследуется структура анималистического субъекта, особенности которого непосредственно влияют на формирование НПР; утверждается диалогический подход к объяснению сути НПР.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она способствует углублению и систематизации знаний о таком сложном явлении, как НПР, внося тем самым вклад в изучение структуры и семантики художественного текста; в

выявлении смыслообразующей и структурообразующей роли НПР в АП; в описании способов анализа нарратива.

Практическая значимость работы заключается в том, что данное исследование может послужить примером анализа текста художественной литературы, который предполагает учет выводов литературоведческих исследований при собственного лингвистическом анализе. Выводы, сделанные в работе о НПР как способе передачи «чужой» речи, могут быть полезны для исследований в области синтаксиса и теории текстообразования. Материалы и результаты работы могут быть использованы на спецкурсах, практических и семинарских занятиях по синтаксису и стилистике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. НПР – объемная категория как по форме, так и по содержанию. Это текстовая категория с размытыми границами, нарушающая линейность изложения, не имеющая своего прототипа, являющаяся средоточием большого числа релевантных признаков. Грамматический анализ элементов НПР даёт статическую картину её описания, показывая вторичность, техничность собственно языкового материала. Между тем НПР – это динамичное явление по своей сути. Оно возникает вместе с текстом и отражает качества, присущие тексту как продукту речи.
2. НПР является ведущей текстовой стратегией в АП. НПР в АП является единственной формой текстовой самореализации персонажа. Это единственный способ передать речь бессловесного существа. Поэтому в АП НПР исполняет основную партию в построении текста. Образно говоря, вокруг нее выстраивается все остальное повествование. НПР – это смысловая доминанта в АП. С помощью НПР актуализируются в речевой структуре детали, формирующие собственно смысловое содержание произведения. В АП НПР оказывается не только способом передачи чужого слова, но и повествовательным приемом формирования сюжета.

3. Особенность НПР в АП связана с ее реализацией полимодальности. Полимодальность предполагает полисубъектность, но не в случае АП, т.к. субъект речи изначально условен.

4. НПР в АП раскрывает не только внутренний мир персонажа-собаки, но и дает возможность увидеть мир и человека читателю, примерившему на себя специфическую «субъектную позицию». Таким образом, происходит актуализация не только персонажа, но и одновременно читателя. НПР реализуется в модусной сфере коммуникации, а именно в модусе читателя.

5. НПР в АП является стимулом читательской активности, движущим мотивом диалога читателя с текстом. Смысловая наполненность НПР персонажей перекрывает наполненность авторского повествования. Именно в НПР содержатся сигналы, организующие читательское внимание. Проявляется апеллятивная функция НПР. Таким образом, можно говорить о диалогической природе НПР. НПР участвует в раскрытии диалогического механизма смыслопорождения текста. Смысл не выражается автором, не передается героем, а конституируется в процессе взаимодействия голосов автора, персонажа, читателя, в процессе столкновения разных точек зрения, разных смысловых позиций.

6. НПР многоформенна и вариативна с точки зрения ее выделяемости в авторском тексте. НПР – это плод замысла автора, поэтому каждый раз в процессе создания своего произведения идет поиск адекватных, с точки зрения творца, форм выражения. С течением времени поэтому появляются новые разновидности НПР. Тем не менее, как нам кажется, предлагаемая структурно-семантическая типология НПР носит универсальный характер.

Апробация работы. Основные принципы, положения и результаты исследования были представлены на аспирантском семинаре кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ (2001-2004 гг., руководитель семинара д.ф.н., проф. Г.Н. Акимов), на XXXI, XXXII и XXXIII научно-методических конференциях преподавателей и аспирантов, проходивших в СПбГУ соответственно в марте 2002, 2003 и 2004 гг.

Диссертация имеет следующую **структуру**: она состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников. Первая глава имеет два раздела, каждая глава делится на несколько параграфов и имеет выводы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** приводится краткий обзор истории изучения НПР в отечественной лингвистике; обосновывается актуальность выбранной темы; определяются цель и задачи, предмет и объект исследования; указывается материал, на котором оно выполнено, и методические принципы работы с этим материалом; определяется научная новизна; раскрывается теоретическая и практическая значимость проведенного исследования.

Теоретическим ориентациям посвящена **I глава** диссертации **«Общетеоретические основы исследования»**. В ней описывается и анализируется литература по основным проблемам исследования, связанным с такими понятиями, как текст, нарратив, а также рассматривается проблематика и история изучения НПР в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

В первом разделе (**«Развитие идей лингвистики текста в XX столетии»**) внимание обращено на становление новой научной парадигмы (коммуникативной) в связи с тенденцией к антропоцентризму и укрупнением изучаемого объекта (от предложения к тексту). Рассматриваются основные положения лингвистики текста, в том числе и как области приложения коммуникативного подхода, анализируются в связи с этим признаки текста («текст – это прежде всего смысл» (Золотова); модусно-диктумное единство (Сидорова) и др.). Сопоставляются такие понятия современной грамматической теории, как текст и дискурс. Особое внимание уделяется самому сложному из всех типов текста – художественному тексту. Его характеризуют такие свойства, как антропоцентричность, полисемантичность, полимодальность, полисубъектность, диалогичность, интерпретируемость, сущестивность,

гиперструктурность и собственно информативно-эстетическая значимость языковой формы и приращение смысла языковых единиц.

Исследованием художественного текста занимается нарратология. В интересующем нас лингвистическом аспекте нарратология изучает некоторые особенности грамматической организации художественного текста посредством изучения нарративной структуры текста, т.е. фикционального мира. В нарративной структуре текста центральной категорией является категория «точки зрения» или комплекс условий, влияющих на восприятие и передачу событий (Шмид). Четыре плана проявления точки зрения – план идеологии, план фразеологии, план пространственно-временной характеристики, план психологии (Успенский) – являются маркерами точки зрения конкретного субъекта речи.

Ранее проблема повествующего субъекта рассматривалась в связи с категорией «образа автора», которая обеспечивает смысловую и формальную целостность художественного текста (Виноградов). Идея внутритекстового автора привела к вопросу о «представителях» автора в произведении и, соответственно, о типах повествования (Кожевникова; Падучева). В нарративе представитель автора реализуется по-разному. Согласно теории В.В. Падучевой, в традиционном нарративе выступает эксплицированный, участвующий – диегетический повествователь (перволичное повествование), и имплицитный – экзегетический повествователь (третьеличное (аукториальное) повествование). В СКД повествователь полностью или частично устраняется. Аукториальная форма повествования допускает неограниченное композиционное разнообразие, неограниченность смещений точки зрения. Не опосредованная эксплицированным субъектом, эта форма повествования допускает различные способы передачи чужой речи, включая такое явление, как НПР. Перволичная форма повествования – изложение с фиксированной точки зрения. Это форма со сниженными композиционными возможностями. В СКД происходит слияние или замещение точек зрения, которое реализуется с помощью НПР. Итак, главный вопрос при описании

нарратива – кто является заместителем говорящего, как выстраивается план идеологии в нарративе. Сложность заключается в том, что субъект речи не является автоматически субъектом восприятия, знания и оценки. Художественный текст характеризуется субъектным полифонизмом, где не последнюю роль играет НПР.

Во втором разделе I главы (**«Несобственно-прямая речь в грамматической науке и языке художественной литературы. Проблематика и история изучения»**) представлена история развития НПР, которая непосредственно связана с этапами культурно-литературных эпох, дается определение НПР и рассказывается о различных теориях НПР в трудах зарубежных и отечественных ученых.

НПР – сложное и многогранное явление. Под НПР мы подразумеваем, с одной стороны, художественный прием, направленный на создание полифонии в тексте путем речевого взаимодействия (речевой контаминации) автора и персонажа и, с этой точки зрения представляющую отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства и восприятия персонажа, с другой стороны, языковой механизм текстообразования.

На начальном этапе исследование НПР велось по двум противопоставляемым направлениям: литературоведческо-стилистическому, с одной стороны, и лингвистическому, с другой. Представители первого направления, фоссерианцы, руководствовавшиеся эстетической концепцией языка, появление НПР в литературе обуславливали ее возможностью привлечь читателя к угадыванию того, кому принадлежит данное высказывание (Т. Калепки) или «увести» его в мир фантазий, ориентируя на абстрактное мышление (Е. Лорк). НПР позволяет манипулировать пределами дистантного отстояния автора и героя произведения (Г. Лерх). Представители второго направления, женевцы, придерживавшиеся рациональных взглядов на факты языка, рассматривали НПР как синтаксическую конструкцию, однако в рамках теории «фигур мышления» Ш. Балли НПР рассматривали как единицу, не

относящуюся к фактам языковой системы за неимением четких лингвистических признаков.

В русском языке НПР стала предметом описания также в конце XIX века. В диссертации описываются основные этапы истории изучения НПР: работа П. Козловского 1890 года; работы М.М. Бахтина (Волошинова) «Марксизм и философия языка» и «Проблемы поэтики Достоевского» 1929 года. Дальнейшее изучение НПР двигалось в отечественной науке по двум направлениям: по пути сопоставления НПР с прямой и косвенной речью (А.В. Алексеева, С.Г. Бархударов, А.Н. Гвоздев, А.М. Пешковский и др.); по пути отказа от сравнения НПР с прямой и косвенной речью и поиска новых критериев (грамматических и семантических) для определения НПР (В.В. Виноградов, К.А. Долинин, В.И. Кодухов, Г.М. Чумаков и др.). В полемике двух направлений выявились вопросы, многие из которых неоднозначно трактуются и по сей день. Это вопросы, связанные с онтологическим статусом НПР, ее категориальным признаком, критериями выделения, типологией, ее функцией, проблемой термина. Но, благодаря этим двум полярным направлениям, была заложена основа наиболее верной и объективной, на наш взгляд, интерпретации НПР как «контаминированной речи», представителями которой НПР рассматривается как особый вид повествования, заключающийся в смешении/совмещении/скреживании субъектных планов автора и персонажа, создающийся на базе контаминации прямой и косвенной речи (А.А. Андриевская, М. Бахтин, Г.Г. Инфантова, И.И. Ковтунова, Л.А. Соколова). В современных лингвистических работах «чужая речь» рассматривается с позиций художественной коммуникации, направленной на эстетическое общение автора и читателя (работы М.Я. Дымарского, Н.К. Онипенко, Е.В. Падучевой, М.Ю. Сидоровой, И.В. Труфановой, В. Шмида). Анализ НПР в диссертации ориентировался на современную коммуникативно-грамматическую теорию. В свете коммуникативного подхода вопрос о НПР решается в рамках субъектной перспективы текста и определяется, в частности,

функционированием в определенных регистровых условиях (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко).

II глава диссертации «Конститутивная неоднородность художественного текста и несобственно-прямой речи» посвящена анализу лингвистической структуры НПР на различных языковых уровнях на материале АП, рассмотрению композиционно-речевых форм НПР и представлению ее структурно-семантической типологии.

Текст, включающий в себя признаки «чужеродности» не может считаться гомогенным монолитным образованием. НПР как один из способов представления чужой речи придает тексту гетерогенный характер за счет присутствия другого, по отношению к повествующему, голоса. Между тем, структура НПР сама по себе гетерогенна, т.к. ее формируют единицы разных уровней языка. Языковой уровень НПР также отражает ее диалогическую сущность, как и контаминация плана повествователя и плана персонажа на глубинном уровне.

НПР берет свое начало в формах прямой и косвенной речи. Рассмотрим пример НПР (жирный шрифт) из повести «Бобка», где присутствуют некоторые черты, характерные как для КР, так и для ПР. НПР представлена здесь внутренним монологом персонажа – собаки, по кличке Бобка:

Он продолжил хождение, поддери́вая головой и разгорячаясь осознаниями. ...Хозяин забыл его – вот что; совсем не читит – несмотря на трудную службу. Хозяин его опять обделил, говоря, что сейчас не время. Но и днем не время, он всегда откладывает общение с ним, с Бобкой, с младшим членом двора... У Бобки сузилось в горле. Никто здесь не любит его, и первый и главный – Хозяин! Это простое осознание вдруг предстало перед ним исчерпывающе четко, как обглоданная кость. Бобка взволновался, безотчетно натягивая цепь, и, двигаясь по окружности, достигал столба. Цепь стукалась о столб, Бобка рассеянно заворачивался в полукруг – и разворачивался идти обратно.

Хозяин совсем забыл его; не тешит ничем, никогда... Бобка сам собой осердился; если бы Хозяин теперь вышел, Бобка заворчал бы на него и ушел в конуру. Но сообщать осерчение вслух он не решился, и осознания продолжали ожесточаться в нем для сопротивления ознобу. Что-то надо решить: что теперь? Что-то в ответ натворить...

Невзлюбить Хозяина – вот что! Невзлюбить и уйти! Насовсем бросить двор... Бобка подался к калитке, но ошейник одернул его. Бобка затомился, но не опомнился. Все равно он уйдет – завтра днем, как только его отпустят.

Уйти, убежать... Бобка чутко воспрял: он избавится, убежит!

Этот отрывок представляет собой ССЦ (сложное синтаксическое целое). Важнейшее отличительное свойство этой единицы, кроме поликоммуникативности и монотематичности – нелинейная организация содержания. Действительно, ССЦ включает в себя как слова автора, так и НПР, причем тема-рематическое взаимодействие между этими высказываниями характеризуется следующим образом: слова автора – это тема, которая организует формирование смысла ССЦ, а НПР – это рема, которая выстраивает собственно смысловую линию. Это подтверждает наблюдение за динамикой развертывания текстового содержания в этом отрывке. В первом абзаце повествователь изображает момент осознания персонажем отношения к нему в семье (*Никто здесь не любит его*). Последующие абзацы также представляют собой этапы размышления персонажа, но их объединяет к тому же поступательное развитие темы, которую сформулировал сам персонаж: *Что-то надо решить: что теперь?* Интересно проследить импульсивную работу сознания персонажа. Во втором абзаце как ответ на поставленный вопрос читательское восприятие фиксирует - *заворчал бы*, в третьем абзаце - *невзлюбить и уйти*, в четвертом повторяется *уйти* и другой, в смысловом отношении более эффектный, вариант *убежать*. Представленные размышления персонажа в форме НПР очерчивают границы абзацев, в силу чего, создается впечатление вторичности в смысловом отношении авторского контекста.

Границы абзацев сигнализируют остановки в потоке речи говорящего и одновременно переход на следующую умозаключительную стадию с помощью лексического повтора (например: *Хозяин забыл его – вот что* – в первом абзаце и *Хозяин совсем забыл его* – начало второго абзаца; *незлюбить и уйти* – в третьем абзаце и *уйти, убежать* – начало четвертого абзаца). В предложениях НПР актуализируется информация, посредством чего стимулируется читательское внимание.

С точки зрения грамматических характеристик данный отрывок текста открывается авторским вводом, представленным динамическим аористивным предикатом (*продолжил хождение*), формирующим репродуктивно-повествовательный тип речи, в который включены два блока описательно-репродуктивных в виде деепричастных оборотов (*поддерживая головой, разгорячаясь осознаниями*). Далее следует внутренний монолог, передаваемый НПР, заключенный в информативный регистр. Маркерами КР здесь является местоименно-временная транспозиция (*забыл его, его обделил, не любит его* – местоимение 3-го лица, отличительная особенность НПР; *общение с ним, с Бобкой, Бобка заворчал бы* – имя собственное в значении 3-го лица – распространенный прием; время – прошедшее нарративное сменяется настоящим персональным: *не читит, всегда откладывает, не любит, не тешиш*). Но, прежде всего, обращает на себя внимание разговорная манера, которая присуща этому примеру НПР, что сближает её с ПР. Можно отметить ряд лексических единиц экспрессивно-эмоционального плана – *вот что; совсем не читит, совсем забыл, опять обделил* – усиление; парцелляция – *Хозяин его опять обделил, говоря, что сейчас не время. Но и днем не время, он всегда откладывает общение с ним, с Бобкой, с младшим членом двора...*; графические “сбои” (многоточия) как сигналы спонтанности речи; наконец, само наименование “Хозяин”, всегда с большой буквы в тексте, указывает, что субъект речи/сознания сменился. Также можно выделить рефлексивное предложение с предикатом в форме инфинитива и сокращенной формой вопроса во второй части *Что-то надо решить: что теперь?*, в котором представлено

размышление персонажа о предстоящих действиях, а также целую цепочку инфинитивных предложений, которые ярко демонстрируют переключение во внутреннюю сферу сознания персонажа: *Невзлюбить Хозяина – вот что! Невзлюбить и уйти! Насовсем бросить двор....* В конце отрывка также повторяется эта мысль - *Уйти, убежать....*, где многоточие, неоднократно повторяющееся, символизирует судорожную, хаотическую работу сознания персонажа.

Итак, в представленном отрывке с НПР, мы обнаружили некоторые признаки как ПР, так и КР. Но если КР по лексико-синтаксической организации представляет собой единое целое с авторским контекстом, где авторский голос доминирует над голосом персонажа, и, как бы пропуская через себя, сводит последний на «нет», то НПР строится на ином начале. Там голос персонажа, как минимум, имеет равные права с авторским, а в большинстве случаев вытесняет его. И тогда уже не слова персонажа подаются в виде вкраплений в авторское повествование, а, наоборот, авторский план воспринимается как периодические вкрапления, размещенные по всему высказыванию персонажа. КР в семантическом аспекте характеризуется «отсутствием эмоциональной акцентуации», сообщая что-либо, она лишь указывает на то, что было сказано, тогда как НПР содействует «одновременному отражению и факта, и восприятия этого факта» (Ковтунова), т.е. НПР нарочито подчеркивает внутреннюю суть, скрывающуюся за внешней словесной оболочкой.

Для отнесения к НПР высказывания здесь как нигде важна акцентуация и экспрессивная интонация. Рассматривая НПР в сопоставлении с ПР и КР, мы имеем возможность убедиться в ее непринадлежности ни к одному из двух других известных способов репродукции высказывания. Если в ПР речевая образность четко вычленяется на фоне авторского текста, а КР выступает в одном регистре с авторским текстом, то в НПР легко совмещаются слова автора-повествователя и слова персонажа, что приводит к постоянному пополнению форм ее выражения.

Признаки ПР и КР, попадая в НПР, не реализуют свои функциональные возможности, а берут на себя дополнительную смысловую нагрузку и только тогда начинают “работать”, превращаясь в признаки НПР, качественно нового образования.

В диссертации нами были рассмотрены лингвистические признаки НПР, фиксирующие проявление неоднородности текстовых фрагментов, на трех уровнях: грамматико-морфологическом, синтаксическом и лексическом.

Грамматико-морфологические признаки НПР тесно связаны с такими категориями как время, вид, коммуникативные регистры, лицо.

В тех случаях, где НПР выявляется на фоне темпоральной структуры, функция видо-временных форм глагола, реализующаяся через соответствующий коммуникативный регистр в тексте, состоит в том, что гомогенностью или гетерогенностью своих объединений они сигнализируют границы текстовых фрагментов с НПР. НПР – это, как правило, регистрово амбивалентный фрагмент, который читатель воспринимает как маркированный на фоне других, «нормальных» участков текста. Грамматические приемы НПР основаны на переходах от предложений с абсолютным значением времени, представляющих повествовательную речь автора, к предложениям с относительным значением времени. Выбор временной формы в НПР объясняется модусом персонажа (модус воспоминания, модус размышления, модус знания и т.д.). Например:

Бобка со странным удовольствием наблюдал возникновение матраса, сам тоже дыша все глубже: ведь от увлеченного внимания он даже дыхание затаил. Он дурашливо хукнул: как же так? – матрас уползает от того, кто его затеивает дутьем, а толстячок...вначале сам же надувает, а потом нападает, чтоб завладеть. («Бобка»)

Здесь можно наблюдать прием монтажа регистровых блоков: наблюдаемое (в репродуктивном регистре) и объяснение его (в информативном). Показателями репродуктивно-описательного регистра являются предикат *наблюдал* в имперфективно-процессуальной функции, а также деепричастный оборот, сообщающий о статическом признаке субъекта,

распространенный пояснительной частью (*ведь от увлеченного внимания он даже дыхание затаил*) с перфективом *затаил*. Аористивный глагол следующего предложения *хукнул* переводит репродуктивный регистр в другую разновидность – повествовательную, т.к. реализует динамику повествования и одновременно открывает возможность для интерпретации этого действия, которое происходит в форме НПР и, соответственно, в информативном регистре с формами глаголов в наст. актуальном времени (*уползает, затевает, надувает, нападает*).

Категория лица считается одним из основных грамматических признаков НПР. Третье лицо в НПР обнаруживает совпадение S сообщаемого факта, S мыслящего и, следовательно, S речи, т.е. оно указывает на усложнение структуры модусной рамки. Например:

Молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?

Этот текстовый фрагмент представляет собой начало рассказа А.П. Чехова «Каштанка». НПР представляет собой внутреннюю речь Каштанки, её мысли по поводу произошедшего с ней. Здесь обращает на себя внимание употребление третьего лица в значении первого. Первое предложение – это субъектная зона S_1 экзегетического повествователя, где обозначен субъект действия - молодая рыжая собака. В первой части второго предложения происходит переход к зоне S_3 субъекта-авторизатора (*она старалась дать себе отчет*). Категория лица во второй части второго предложения маркирует слияние S_3 с S_4 . Так как Каштанка говорит сама с собой, а, следовательно, является не только субъектом сознания, но и субъектом речи – S_4 .

Тем не менее, местоименная транспозиция не всегда присутствует. Либо S речи обходится без категории лица, либо S речи обозначается первым лицом (как, например, в некоторых фрагментах из «Собачьего сердца»). Второй случай

не противоречит сущности НПР, как может показаться. Дело в том, что мы ориентируемся, в первую очередь, на семантический критерий в отнесении фрагмента к НПР. Первое лицо в НПР не исключает возможность имплицитного проявления голоса автора в НПР. Таким образом, в НПР происходит либо изменение лица, либо его переосмысление.

К синтаксическим показателям НПР можно отнести ее синтаксическую структуру. Особенности структуры НПР являются одним из ее конститутивных признаков, наравне с гетерогенностью. Синтаксическая структура привлекает внимание к форме, т.е. к языку. НПР может быть представлена и предложением, и развернутым высказыванием, занимающим абзац или несколько абзацев. Синтаксическая структура НПР, возьмемся предположить, напрямую зависит от формы выражения НПР — количественно-качественного критерия, определяемого авторскими интенциями (малоформатная НПР, внутренний монолог, поток сознания).

Важную роль играет пунктуационное оформление в синтаксической структуре НПР. Пунктуация часто выступает чуть ли не единственным маркером НПР. Хотя в общем прослеживается тенденция к минимальному графическому выделению НПР.

К синтаксическим признакам НПР относится употребление разнообразных конструкций экспрессивного синтаксиса: вопросительных, восклицательных (чаще номинативных и инфинитивных) предложений, вопросно-ответных комплексов, эллиптических предложений, парцелированных, которые указывают на эмоциональную реакцию персонажа и имитируют разговорность. Заметную роль в анализируемых текстах играют также словесные повторы, в том числе дистантные. В них часто воспроизводится непосредственное восприятие персонажа (собаки), что указывает на его субъектный план. На лексических повторах может выстраиваться НПР целого произведения (рассказ «Собака» В. Неля).

К лексическим признакам НПР, помимо лексики, которая по своему значению или по стилистической окраске указывает на субъектный план

персонажа, мы отнесли эгоцентрические элементы языка, которые также указывают на говорящего, выражают модальность говорящего к высказыванию: 1. указательные частицы «вот», «вон», «это»; местоименные наречия «вот», «ведь», «только»; междометия; 2. метатекстовые элементы; 3. предикаты внутреннего состояния, в том числе некоторые виды вводных слов; 4. неопределенные местоимения и наречия; 5. предикаты со значением сходства и подобия; 6. показатели идентификации; 7. слова со значением неожиданности; 8. обобщающие «врезки»; 9. слова с оценочным значением; 10. номинация объекта.

Проанализированные лингвистические признаки НПР являются формально-семантическими признаками, фиксирующими проявление неоднородности текста. Они являются маркерами другой территории в тексте, диалогической территории, территории, где происходит контакт повествователя, персонажа и читателя.

Другой актуальной проблемой нашего исследования стала проблема композиционно-речевых форм НПР. В плане формально-структурной организации приема НПР можно выделить монолог, диалог и полилог. Согласно их узкому пониманию, как языковых форм общения, все три формы были выявлены в нашем материале. Однако основным вопросом был вопрос внутренней речи, которую еще М. Бахтин обозначил как «философскую проблему». Внутренняя речь от короткого фрагмента (вкрапления) до развернутого монолога представляет собой «форму условной вербализации сложнейшего процесса внутреннего речетворчества» (Гаибова).

В конце II главы нами была предпринята попытка систематизации типов НПР согласно структурно-семантическому критерию, хотя это и несколько противоречит гетерогенной природе НПР и ее динамическому, текстовому, характеру. Тем не менее, работа с фактическим материалом позволила выделить следующие наиболее явные и формальные типы:

- «персональная» НПР. Это НПР, сходная с прямой речью, а в ряде случаев с ней отождествляемая. Сюда относятся текстовые фрагменты с НПР в форме

вопросительных, восклицательных, инфинитивных предложений, предложений с опущенным семантическим субъектом, где идет игра на неопределенности 1/3 лица, а также высказывания персонажа от 1 лица в аукториальном повествовании. Например: *Но тут внезапно оглушает Чанга громовой грохот. Чанг в ужасе вскакивает. Что случилось? Опять ударился, по вине пьяного капитана, пароход о подводные камни, как это было три года тому назад?* («Сны Чанга»). Текстовый фрагмент с «персональной» НПР в целом воспринимается как окрашенный субъективностью персонажа. НПР формально, действительно, схожа с прямой речью, только подается без графического маркирования, а в смысловом отношении может выделяться как функционально окрашенной лексикой, так и семантически.

- «опосредованная» НПР. Это НПР, которая имеет много общего с косвенной речью: вводящий глагол, подчинительную связь, транспозицию времени, лица, дейктические элементы. В этой разновидности НПР передается содержание ментального, перцептивного или вербального акта персонажа, предварительно называя сам акт. Например: *Чанг вздрагивает и открывает глаза: это уже не волна ударила в корму – это грохнула где-то внизу дверь, с размаху кем-то брошенная* («Сны Чанга»).

- «лексико-семантическая» НПР. НПР различима на фоне авторского повествования благодаря наполненности фрагмента лексико-фразеологическими единицами, характерными для персонажа. Содержание НПР соответствует позиции персонажа и только персонажа. Например: *Пёс шёл, как арестант, сгорая от стыда, но, пройдя по Пречистенке до храма Христа, отлично сообразил, что значит в жизни ошейник. Бешеная зависть читалась в глазах у всех встречных псов, а у Мёртвого переулка – какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его “барской сволочью” и “шестёркой”* («Собачье сердце»).

- «семантическая» НПР. В НПР отражается ментальный, перцептивный или вербальный акт персонажа без предварительного названия самого акта. НПР появляется непосредственно из авторского контекста, сохраняя нейтральное по

лексике повествование. Главную роль здесь играет смысловой критерий. Например: *И вышло ему идти у бедра какого-то малого в новых ботинках на толстой резине – вот ещё и резину эту нюхать!* («Верный Руслан»).

- «авторизированная» НПР, т.е. семантически с трудом вычленяемая из авторского повествования. Например: *Внезапно машина вильнула и остановилась, даже смолкло ее тряское гудение. Псы притихли, и Шматок тоже!* («Бобка»).

- «цитатная» НПР. Довольно редкая форма НПР. Подается в соответствующих знаках препинания или «завуалированно». Например: ...Чанг как бы каменеет... *О, как страшно говорил когда-то капитан: “В тот день задрожат стережущие дом и помрачатся смотрящие в окно (...) ибо разбился кувшин у источника и обрушилось колесо над колодезем...”* Но теперь Чанг не чувствует даже ужаса («Сны Чанга»).

В III главе диссертации «Несобственно-прямая речь в анималистической прозе» анализируются особенности поэтики избранных произведений АП, особенности НПР в АП, а также выявляются функции НПР в АП.

АП представляет собой особое пространство, в котором функционирует НПР. Во-первых, этот прием играет значимую роль в формировании смысловой структуры текста, во-вторых, в АП он является единственно возможным способом взаимоотношения сознания персонажа с действительностью (конечно, принимая во внимание жанровую направленность). Избранные нами для анализа произведения подчинены также единой концепции, а именно, показать мир глазами персонажей-собак, что связывает их внетекстовыми диалогическими отношениями. В АП главным является соотношение точек зрения повествователя и персонажа на действительность и то, как они формируют картину мира читателя. Ведь, читатель, по воле автора, смотрит на мир глазами персонажа-собаки, что открывает простор всевозможным формам художественного острашения. В этом заключена ключевая роль персонажа-собаки, ее нельзя недооценивать, несмотря даже на разный уровень сознания ее

носителей. Этот фактор отражается напрямую и на речевых партиях. Так, носители неразвитого сознания обладают НПР фрагментарного характера («Каштанка», «Собака»), а НПР носителей идеологического сознания имеет развернутый характер («Собачье сердце», «Верный Руслан»).

Произведения АП мы противопоставили по тому, какая коммуникативная ситуация в них сложилась. Так, опираясь на формы повествования предложенные Е.В. Падучевой, мы охарактеризовали произведения, как, относящиеся либо к традиционному нарративу, либо к свободному косвенному дискурсу, в его монологическом варианте. В последнем случае, смысловая наполненность реплик персонажей в НПР перекрывает наполненность авторского повествования. Развитие сюжета происходит в полной мере в рамках коммуникативной ситуации «персонаж – читатель» (напр., «Верный Руслан»), в отличие от коммуникативной ситуации «повествователь – читатель» (напр., «Каштанка»), где развитие сюжета происходит в речи повествователя.

Рассматривая функции НПР, мы обратились к наследию советской стилистики, где НПР считалась способом проникновения во внутренний мир героя и, соответственно, являлась сюжетно-композиционным средством, композиционно-стилистическим, экспрессивным (Соколова), а также средством создания иронии (Успенский). Сегодня отмечают ее роль в определении иерархичности персонажей в произведении (С.П. Степанов), ее персонально-характерологическую функцию, т.е. функцию характеристики персонажа посредством модального плана.

В АП НПР – это не только способ передачи чужого слова, но и повествовательный прием формирования сюжета, где происходит актуализация не только персонажа, но и читателя. НПР – это способ диалогической передачи чужой речи. В АП во фрагментах с НПР происходит диалог читателя с персонажем/повествователем, т.е. с текстом, ведущий к совместно вырабатываемому смыслу. Таким образом, НПР организует не просто уровень содержания текста, а уровень смысла текста.

В заключении обобщаются результаты исследования, суммируются выводы, касающиеся особенностей НПР в АП.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Прием несобственно-прямой речи в формировании структуры художественного текста // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып.17. Грамматика (русско-славянский цикл). 11-16 марта 2002г. СПб., 2002. С. 3-7.
2. Лексико-грамматические средства формирования несобственно-прямой речи // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып.8. Грамматика (русско-славянский цикл). 11-15 марта 2003г. СПб., 2003. С. 7-10.
3. Несобственно-прямая речь в системе способов передачи высказывания // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. Вып.16. Грамматика (русско-славянский цикл). Ч. 1. 15-20 марта 2004г. СПб., 2004. С. 10-15.

10 =

Подписано в печать 10.01.2006 г.
Формат 60х84/16
Печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 671
ОНУТ филологического ф-та СПбГУ.
С-Петербург, Университетская наб., д.11